

DOI: 10.31857/S241377150010943-0

Русское *разве*: от предлога к вопросительной частице

© 2020 г. Анна А. Зализняк

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
anna.zalizniak@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию 07 апреля 2020 г.

Дата публикации: 31 августа 2020 г.

Резюме. В статье предлагается реконструкция пути семантической эволюции русского слова *разве* — от предлога со значением ‘за исключением’ (в др.-русском языке) к вопросительной частице. Предлагается модель семантической деривации, включающая три этапа. Первый состоит в сдвиге от предметного объекта к пропозитивному; на втором этапе появляется фигура *говорящего*, который рассматривает гипотетическую возможность выхода из негативной ситуации в форме вопроса самому себе. На последнем этапе возникает фигура *слушающего*, что обеспечивает полноценную ситуацию коммуникативного акта вопроса и функцию *разве* как вопросительной частицы. При этом негативность ситуации, в которой оказался говорящий, оказывается обусловлена лишь наличием *когнитивного диссонанса*, состоящего в том, что Q может иметь место только при условии истинности P, а говорящий считает, что не-P. Употребление *разве* в качестве вопросительной частицы представляет собой запрос к собеседнику на выход из состояния когнитивного диссонанса.

Благодарность. Статья написана при поддержке РФФИ, грант № 19-012-00505 и № 17-29-09124.

Ключевые слова: русский язык, семантика, вопросительные частицы, прагматикализация.

Для цитирования: Зализняк Анна А. Русское *разве*: от предлога к вопросительной частице // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 4. С. 5–11. DOI: 10.31857/S241377150010943-0.

The Russian *Razve*: from a Proposition to an Interrogative Particle

© 2020 Anna A. Zalizniak

Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher of the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1, Bolshoy Kislovsky lane, Moscow, 125009, Russia
anna.zalizniak@gmail.com

Received by Editor on April 07, 2020

Date of publication August 31, 2020

Abstract. This paper reconstructs the way of the semantic evolution of Russian word *razve* from a proposition with the meaning ‘except for’ (in Old Russian) to its current use as an interrogative particle. A three-step model is developed. The first step is a shift from the idea of the exclusion of an object to the idea of the exclusion of a situation; the second is represented by the construction [*razve* + inf?] and results in the appearance of the *speaker*, introducing an action that is perceived by the speaker as a possible positive alternative to the negative state of affairs described in the

preceding speech fragment. The third step, during which the actual interrogative particle appears, results in the following semantic structure: the speaker is in a situation which is negative only due to a *cognitive dissonance* triggered by the fact that the state of affairs Q can only take place if P is true, while the speaker believes that P is not true. By using an interrogative utterance with *razve*, the speaker asks the interlocutor to provide a *way out* from this uncomfortable state of cognitive dissonance.

Acknowledgment. The reported study was funded by RFBR, project № 19-012-00505, № 17-29-09124.

Key words: Russian language, semantics, interrogative particles, pragmaticalization.

For citation: Zalizniak, Anna A. *Russkoe razve: ot predloga k voprositel'noj chastice* [The Russian *razve*: from a proposition to an interrogative particle]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 4, pp. 5–11. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150010943-0.

1. Предварительные замечания

Русская вопросительная частица *разве* весьма основательно исследована — прежде всего, с точки зрения ее семантического соотношения с другой вопросительной частицей — *неужели* (см. [1, с. 51–52]; [2, с. 270 ff.]; [3]; [4] и др.). Данная статья посвящена диахроническому аспекту проблемы, а именно вопросу о том, в чем состоял путь семантической деривации — от предлога со значением ‘за исключением’ к современному значению вопросительной частицы, используемой в ответной реплике, ср.:

(1) — Иван ездил в отпуск со своей женой. — А *разве* он женат?

Ю.Д. Апресян [1, с. 51] предлагает следующее толкование:

(1') *Разве Р?* = ‘До момента речи говорящий считал, что *не Р*, в момент речи существуют обстоятельства или высказывания, имплицитующие *Р*; сомневаясь, что *Р*, говорящий просит адресата подтвердить или опровергнуть *Р*’

Как было показано в [3] и в [2, с. 271], за исключением *разве*, составляющего целое высказывание — ответную реплику (— *Разве?*), пропозициональное содержание вопросительного предложения не совпадает с пропозициональным содержанием реплики, реакцией на которое оно является; оно соответствует его презумпции или импликации. Так, в (2) второй говорящий подвергает сомнению само утверждение первого говорящего — в отличие от (1), где подвергается сомнению утверждение, составляющее его презумпцию.

(2) — Иван ездил в отпуск со своей женой. — *Разве?*

Пропозициональное содержание вопроса с *разве* может составлять также пропозиция, соответствующая презумпции придаточного предложения реплики-стимула, ср.:

(3) Я могу целую теорию построить о том, почему земля не твердая. — А *разве* она не твердая? [Марина Ахмедова. Место подвига // “Русский репортер”, 2012]¹

Диахронически исходное употребление слова *развъ* в др.-русском языке в функции предлога со значением ‘за исключением’, управляющего именем в родит. падеже, может быть проиллюстрировано следующими примерами:

(4) Въ всѣхъ стѣхъ М дньи поста. *развъ* соуботы и недѣли [6, с. 33] (‘во все 40 дней поста *за исключением* субботы и воскресенья’)

(5) и они не хотахоу иного кнѣзѣ · *развъ* стѣпѣлка · [Новгородская 1-я летопись. Синодальный список] (‘они не хотели иного князя *кроме* Святополка’)

В современном языке *разве* в функции предлога, управляющего родительным падежом, полностью утрачено. Имеются, однако, единицы *разве что* и *разве только*, выражающие “уступительно-ограничительное” значение (ср. [5, с. 203]).

(6) И еще: если бы в моем случае это законное удовлетворение просто сводилось все к одному и тому же однообразному приему, общественное мнение с этим бы примирилось, — *разве что* пожурило бы меня за слишком частую смену любовниц... [В.В. Набоков. *Solus Rex* (1940)]

(7) Ничего страшного в рыжеватом маленького роста человеке не было, *разве только* вот глаз с бельмом, но ведь это бывает и без всякого колдовства, *разве что* одежда не совсем обыкновенная — какая-то ряса или плащ, — опять-таки, если

¹ Примеры, помеченные ссылкой в квадратных скобках, взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

строго вдуматься, и это попадает. [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

Заметим, что близкое значение имеется у современного *кроме как*, ср.: *Туда невозможно добраться, разве что (кроме как) верхом на осле*. Ср. также:

(8) Люди порядочные, но говорить с ними не о чем, *разве что* о войне в Алжире. [Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере // “Звезда”, 2003], ср.: ...*кроме как* о войне в Алжире.

(9) Я поступил в НГУ в 1992 году, тогда еще дома ни у кого не было компьютеров, *разве что* у богатых людей. [Сергей Чернышов. Старожил “Силиконовой тайги” // “Эксперт”, 2014], ср.: ...*кроме как* у богатых людей.

(10) Мой добрый совет – не веи разговоров, *кроме как* о погоде. [Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере // “Звезда”, 2003] ср.: ...*разве что* о погоде.

(11) – Нигде особо не больно. Нормально. *Кроме как* в сердце. [И. Грекова. Перелом (1987)], ср.: ...*разве что* в сердце.

Однако замена *кроме как* на *разве что* и наоборот не полностью эквивалентна: если *кроме как* непосредственно модифицирует сферу действия отрицания, содержащегося в предшествующей клаузе, то *разве что* вводит гипотетическое исключение в форме отдельного утверждения.

Функцию единицы *разве что* может выполнять также одиночное *разве* (такое употребление является устаревшим и/или разговорным), ср.:

(12) У него было еще три комнаты, но он редко туда заглядывал, утром *разве*, и то не всякий день. [И.А. Гончаров. Обломов (1859)]

(13) Фёдор выпивкой не увлекался, *разве* на Первомай или Октябрьскую (И. Грекова. Вдовый пароход)²

(14) Нельзя было купить дров, да и вообще ничего. *Разве* на рынке, по бешеным ценам. [И. Грекова. Фазан (1984)]

(15) Он был бобыль, из части ни ногой, *разве* по праздникам и в отпуск... [Андрей Дмитриев. Дорога обратно // “Знамя”, 2001]

Значение гипотетической возможности у слова *разве* ярко обнаруживает себя в также несколько устаревшем сочетании *кроме разве* (которое регулярно переводится на английский язык как *except perhaps*): поскольку сама идея исключения имеется уже в слове *кроме*, семантический вклад слова *разве* сводится к идее гипотетичности или сомнительности этого исключения, ср.:

(16) Промежутки козаки почитали скучным заниматься изучением какой-нибудь дисциплины, *кроме разве* стрельбы в цель да изредка конной скачки [Н.В. Гоголь. Тарас Бульба (1842)] –

The Cossacks thought it a nuisance to fill up the intervals of this instruction with any kind of drill, *except perhaps* shooting at a mark, and on rare occasions with horse-racing [Nikolay Gogol. Taras Bulba (Isabel F. Hapgood, 1886)]

(17) [...] большинство мужчин решительно желало кары преступнику, *кроме разве* юристов, которым дорога была не нравственная сторона дела, а лишь, так сказать, современно-юридическая. [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (ч. 3–4) (1878)] –

[...] the majority of the men were certainly hoping for the conviction of the criminal, *except perhaps* the lawyers, who were more interested in the legal than in the moral aspect of the case. [Fedor Dostoevsky. The Brothers Karamazov (parts 3–4) (Constance Garnett, 1912)]

Так или иначе, употребление слова *разве* в утвердительном предложении для указания на гипотетическое исключение является периферийным. В современном языке практически единственное актуальное значение слова *разве* – это значение вопросительной частицы.

Предлагаемая модель семантической деривации слова *разве* от предлога к вопросительной частице включает три этапа. Первый состоит в появлении конструкции, обозначающей гипотетическое исключение ситуации (*водку не пьет, разве по праздникам*) и содержащей сдвиг от предметного объекта к пропозитивному (*по праздникам* репрезентирует пропозицию ‘он пьет водку по праздникам’ – ср. примеры (12)–(15)). Последующие два этапа семантической деривации слова *разве* состоят в последовательном вовлечении в его семантику обстоятельств коммуникативного акта, т.е. представляют собой прагматикализацию.

2. Этапы прагматикализации

2.1. Первый этап: появление говорящего

Первый этап прагматикализации слова *разве* представлен замыкающей некоторый фрагмент текста вопросительной конструкцией с инфинитивом, субъектом которого является говорящий; обозначим ее [*разве* (что) + Inf?]. Эта конструкция (сегодня – устаревшая или разговорная) выражает только что возникшую и еще не оформившуюся в намерение мысль о возможности совершить некоторое действие, способное “решить проблему”, т.е. отменить изложенное в предшествующем фрагменте текста негативное положение вещей.

² Пример из [4].

(18) Вы заезжайте ко мне, — сказал Галкин, — Поговорим... — Да я не одет... Погодите... *Разве переменить* панталоны? [Н.В. Успенский. Деревенская газета (1860)]

(19) Хочу подняться вверх по Каме, да денег на пароходный билет нет. *Пешком разве пойти?* [Н.И. Таген-Торн. Memoria (1936–1979)]

(20) Но Динка уселась на кровать и, сложив на коленях руки, сморщилась: — Ну как их мыть? Там все стенки жирные. *Разве налить* воды и повертеть внутри веником? [Валентина Осеева. Динка (1959)]

(21) — Конечно, — прибавил Кинг, — но как мы приготовим свинину? Варить ее долго, а котла или кастрюли нет, сковороды тоже. *Разве прибегают* к методу кавказских горцев, которые жарят баранину маленькими кусочками, нанизанными на прутья, над огнем и называют это кушанье очень смешно — шашлык? [В.А. Обручев. Коралловый остров (1947)]

(22) Как же это их уложить, чтобы корзина полная была? Землицы *разве подсыпать?* [Самуил Маршак. Двенадцать месяцев (1943)]

В этой конструкции может выступать также упомянутая выше единица *разве что*, ср.: *Разве что землицы подсыпать?* и т.п.

Итак, первый этап прагматикализации слова *разве* состоит в появлении фигуры **говорящего**, который оказывается субъектом действия, описываемого инфинитивом, — и, одновременно, субъектом мнения о гипотетической позитивной альтернативе к только что обрисованному им негативному положению вещей; при этом гипотетичность реализуется в форме **вопроса к самому себе**.

2.2. Второй этап: появление слушающего

Второй этап прагматикализации, на котором возникает уже собственно вопросительная частица, состоит в следующем. В конструкции с вопросительной частицей негативная ситуация, в которой оказался говорящий, спровоцирована некоторым утверждением собеседника Q. При этом, в отличие от предыдущего шага, где имеется некоторая негативная ситуация сама по себе (что-то невозможно сделать), здесь негативность ситуации, в которой оказался говорящий, обусловлена лишь наличием **когнитивного диссонанса**, состоящего в том, что Q может иметь место только при условии истинности P, а говорящий до этого момента считал (и продолжает считать), что не-P. Выходом из этого состояния может быть только перемена мнения — с не-P на P. Употребление *разве* в качестве вопросительной частицы преследует именно эту цель — это запрос

к собеседнику на выход из состояния когнитивного диссонанса.

(23) Он так в Останкине и жил до самого отъезда. — А *разве* тогда выпускали? — Особый случай. [Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995–2000)]

(24) Завтра еду в Москву на конференцию алергологов. — А *разве* ты алерголог? Не знал. [И. Грекова. Перелом (1987)]

(25) Лев Толстой, “Война и мир”. Это произведение у меня в плане проставлено. Я над своим общим развитием работаю по плану. — А *разве* вы в школе “Войну и мир” не проходили? [И. Грекова. Дамский мастер (1963)]

В таком “настоящем” вопросительном предложении замена *разве* на *разве что* невозможно (о единице *а разве* см. следующий раздел).

3. Риторическое значение вопросительного *разве*

В [2, с. 272] было отмечено “риторическое” значение частицы *разве*, при котором высказывание *Разве P?* эквивалентно эмфатическому утверждению ‘не P’. Так, в примере (26) говорящий эмфатически утверждает, что он в своем уме; в (27) — что сумма денег, о которой идет речь, ничтожна.

(26) — Я, игемон, никого не призывал к подобным действиям, повторяю. *Разве* я похож на слабоумного? — О да, ты не похож на слабоумного, — тихо ответил прокуратор и улыбнулся какой-то страшной улыбкой. [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

(27) Никанор Иванович подумал, что он прибавит к этому: “Ну и аппетитик же у вас, Никанор Иванович!” — но Коровьев сказал совсем другое: — Да *разве* это сумма! [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

Для риторического *разве* характерен контекст модального слова *можно* (примеры (28)–(31)), модализованного инфинитива (примеры (32)–(33)), форма 2-го л. ед.ч. в обобщенно-личном значении (пример (34)); во всех случаях говорящий эмфатически утверждает ‘нельзя’. Отметим, что риторическое *разве* может употребляться не только в вопросительном, но также в восклицательном предложении — ср.: (31), (32), (34).

(28) — *Разве можно* отказать в чем-либо тому, кого любишь? Я по себе сужу [А.Н. Островский. Поздняя любовь]

(29) *Разве можно* это назвать рыночными отношениями? — это чистой воды олигополия... [коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010–2011)]

(30) Перед нею, — гость благоговейно посмотрел во тьму ночи, — легло бы письмо из сумасшедшего

дома. *Разве можно* посылать письма, имея такой адрес? [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

(31) Я чувствую, что после водки вы пили портейн! Помилуйте, да *разве* это можно делать! [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

(32) Но *разве сравнить* с тем, что раньше было! [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)]

(33) Никто за него не заступился: больших ребят во дворе не было, а маленьким *разве сладить*? [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)]

(34) — Да мы еще и не начали, — сказал Нунан. — Мы только собирались. От тебя *разве убежишь*! [А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий. Пикник на обочине (1971)]

Принципиальным для риторического *разве* является то обстоятельство, что оно может появляться в том числе вне диалога; в частности, оно характерно для внутреннего монолога, ср.:

(35) *Разве* для Кая был тот запах кожаного полосками мячика, который так любил Ваня! *Разве* Кай целовал так руку матери и *разве* для Кая так шуршал шелк складок платья матери? *Разве* Кай так был влюблен? *Разве* Кай так мог вести заседание? И Кай точно смертен, и ему правильно умирать, но мне, Ване, Ивану Ильичу, со всеми моими чувствами, мыслями, — мне это другое дело. [Л.Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1886)]

Таким образом, риторическое *разве* выходит за пределы стандартного коммуникативного акта: это снова вопрос к самому себе — но имеющий принципиально иное значение, чем в “гипотетической” конструкции [*разве* (что) + inf?]. Если для гипотетической конструкции ситуация, описываемая предложением с *разве*, представляется говорящему возможной и позитивной, то в предложении с риторическим *разве* она трактуется говорящим как невозможная и негативная. Такая парадоксальная на первый взгляд ситуация обусловлена тем обстоятельством, что риторическое *разве* представляет собой значение, производное от значения, возникающего на следующей ступени прагматикализации, т.е. от значения вопросительной частицы. Оно возникает в том случае, когда говорящий настолько уверен, что не-Р, что он не нуждается в собеседнике, который бы подтвердил или опроверг это мнение. Если обычное вопросительное “*разве сомнения*” предполагает взаимодействие коммуникантов, при котором говорящий как бы вызывает собеседника на поединок, исход которого неизвестен, то употребляющий риторическое *разве* заранее является победителем.

Обратим внимание на то обстоятельство, что для *разве* в значении вопросительной частицы характерно появление в контексте союза-частицы *а*. Анализ данных НКРЯ позволяет утверждать наличие особой дискурсивной единицы *а разве*, которая вводит реплику — реакцию на пресуппозицию предыдущего высказывания, ср. примеры (1), (3), (23)–(25) выше, а также:

(36) И все было бы очень хорошо, если бы мы знали, что такое разум. — *А разве* мы не знаем? — удивился Нунан. — Представьте себе, нет. [А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий. Пикник на обочине (1971)]

(37) Грубо говоря, мы следим, чтобы инопланетными чудесами, добытыми в зонах, распоряжался только международный институт. — *А разве* на эти чудеса посягает еще кто-нибудь? — Да. [А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий. Пикник на обочине (1971)]

(38) Итак, я этого делать не буду, а вы сделайте сами. — *А разве* по-моему исполнится? [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

(39) По сути, они должны ответить на три вопроса: имело ли место событие преступления, доказано ли, что деяние совершил подсудимый, и виновен ли подсудимый. — *А разве* ответы на второй и третий вопросы могут быть разными? [Лед тронулся (2003) // “Газета”, 2003.07.02]

Во всех примерах (36)–(39) *а* перед *разве* вряд ли может быть опущено. Дело, очевидно, в том, что союз-частица *а* является показателем связи с предыдущей репликой диалога: она маркирует то обстоятельство, что пропозиция Р, вводимая *разве*, является пресуппозицией или импликацией предыдущего высказывания. Заметим, что именно эта сложная единица *а разве* наиболее точно соответствует приведенному выше толкованию (1'), предложенному в [1]. Одинокое *разве* в начальной позиции — это чаще всего именно риторическое *разве*, которое вводит эмфатическое утверждение обратного — независимое суждение, которое вовсе не обязательно является реакцией на какое-либо предшествующее высказывание собеседника, ср.:

(40) Вдруг из отцовских сорока сделал тысяча триста капитала, и в службе за надворного перевелся, и ученый... теперь вон еще путешествует! Пострел везде поспел! *Разве* настоящий-то хороший русский человек станет все это делать? [И.А. Гончаров. Обломов (1859)]

(41) *Разве* я не любил? Тысяча лет прошло, а я отлично помню: был четвертый час ночи, поезд отбывал без чего-то восемь, я лежал без сна, и мои губы и щеки пахли духами Леночки Двиганцевой. [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // “Новый Мир”, 2001]

(42) Понимаю — Москва... А Калуга? *Разве* это город? [Булат Окуджава. Новенький как с иголочки (1962)]

Во всех примерах (40)–(42) употребление частицы *а* перед *разве* невозможно.

Употребление *а* перед риторическим *разве* возможно лишь в том случае, когда это союз, присоединяющий вторую часть сложносочиненного предложения, ср.:

(43) — Мы говорим, что мы против произвола и деспотизма, *а разве* это не самый ужасный деспотизм? [Л.Н. Толстой. Воскресение (ч. 2–3) (1899)]

И наоборот, употребление одиночного *разве* в собственно вопросительном значении возможно лишь внутри диалогической реплики — ср. первое вхождение слова *разве* в примере (44); во втором вхождении, начинающем ответную реплику, *а* не может быть элиминировано:

(44) — Какая шмакля? — удивился Цветик. — *Разве* есть такое слово? — *А разве* нету? — Конечно, нет. [Н.Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей (1953–1954)]

Не допускает употребления частицы *а* также *разве*, составляющее целиком ответную реплику (— *Разве?*) и выражающее сомнение в истинности высказанного собеседником утверждения, ср. для примера (2): — *Иван ездил в отпуск со своей женой. — *А разве?*

4. Заключение

Итак, путь семантической эволюции слова *разве* от предлога со значением ‘за исключением’ к значению вопросительной частицы может быть восстановлен как состоящий из трех ступеней семантической деривации; второй и третий представляют собой прагматикализацию.

I. ⇒ [*разве (что) P*]: (гипотетическое) исключение ситуации (*водку не пьет, разве (что) по праздникам*);

II. ⇒ [*разве (что) + Inf.?*]: гипотетическая положительная альтернатива; говорящий задает вопрос самому себе (*нет денег на билет; разве (что) пешком пойти?*)

III. ⇒ [*а разве P?*]: запрос к слушающему на выход из состояния когнитивного диссонанса (— *А разве он женат?*)

На первом этапе прагматикализации появляется фигура говорящего, который рассматривает гипотетическую возможность выхода из негативной ситуации в форме вопроса

самому себе. На втором этапе возникает фигура второго коммуниканта, что обеспечивает полноценную ситуацию коммуникативную акта вопроса и функцию *разве* как вопросительной частицы.

Появление риторического значения, при котором стандартная ситуация коммуникативного акта разрушается, так как говорящий сам отвечает на поставленный вопрос, можно считать своего рода депрагматикализацией, так как *разве* в этом случае перестает служить средством осуществления речевого акта вопроса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Типы поверхностно-семантической информации для описания языка в рамках модели “Смысл-Текст”. Wien, 1980.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997. 576 с.
3. Баранов А.Н. ‘Предположение’ vs. ‘факт’: “неужели” vs. “разве” // Zeitschrift für Slawistik, 1986, № 1.
4. Баранов А.Н., Пайар Д. РАЗВЕ, или готов спорить, что не так // Киселева К., Пайар Д. (ред.) Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст, 1998. 446 с.
5. Апресян В.Ю. Уступительность. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М.: Языки русской культуры, 2015. 285 с.
6. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Ред. Р.И. Аванесов. Т. 7. М., 2003.

REFERENCES

1. Apresyan, Yu.D. *Tipy poverhnostno-semanticheskoy informacii dlya opisaniya yazyka v ramkah modeli “Smysl-Tekst”* [Types of Superficial Semantic Information for Linguistic Description in the Meaning–Text Theory]. Wien, 1980. (In Russ.)
2. Bulygina, T.V., Shmelev, A.D. *Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki)* [Linguistic World Conceptualization (On the Material of the Russian Grammar)]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoj kultury” Publ., 1997. 576 p. (In Russ.)
3. Baranov, A.N. ‘Predpolozhenie’ vs. ‘fakt’: “neuzheli” vs. “razve” [‘Proposition’ vs. ‘Fact’: “Neuzheli” vs.

- “*Razve*”]. Zeitschrift für Slawistik, 1986, No. 1. (In Russ.)
4. Baranov, A.N., Pajar, D. *RAZVE, ili gotov sporit', chto ne tak* [*RAZVE* or I Bet it is not True]. Kiseleva K., Pajar D. (red.) *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Kiseleva, K., Pajar, D. (Eds.). Discursive Russian Words: Contextual Semantic Description Experiment]. Moscow, Metatext Publ., 1998. 446 p. (In Russ.)
5. Apresyan, V.Yu. *Ustupitelnost. Mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodejstviya slozhnyh znachenij v yazyke* [Compliance. Mechanism of Formation and Interaction of Complicated Meanings in Language]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2015. 285 p. (In Russ.)
6. *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)*. Red. R.I. Avanesov. T. 7 [The Old-Russian Language Dictionary of the 11th–14th Centuries. Avanesov, R.I. (Ed.). Vol. 7]. Moscow, 2003. (In Russ.)